

Апрель окреп и потонул в лучах
И бьётся голубем ко мне в подвал,
А я хочу вам спеть о соловьях,
О соловьях, которых не слышал.

Но только двор, и синевы кусок,
И грязь цветёт, и в золоте ручьи,—
По ним мальчишкой гнал я корабли.
Гнал на коленках, не жалея щёк.

И ночью плыл большущий мой корабль,
А я в песках, я на коне скакал,
И утром плесень—солнечная рябь,
И утром не гудок гудел, а выл шакал.

Послушно шли большие на тот вой,
А я к ручьям на двор, на грязь в цветах,
Но это всё опять о мостовой,
Ведь я хотел вам спеть о соловьях.

Это раз, но было со мной,
Синева разгорелась кругом,
И под этой под синевой
Только рожь—золотым ковром.

И потом, когда волосы мать
Рассыпала дождём по плечам,
Золотилась рожью кровать
И подвал облизался в лучах.

Вырос я и послушен гудку,
Только ночью жгут губы дня маяту,
Да вверху по тому же кусту
Звёзды горсткой сверлят темноту.

На дворе я? Нет в тёмном пахучем саду,
Полон он соловьёв и гремящего сна,
Я в доспехах сверкаю, я рыцарем с нею пройду.
Не помойкой—розами душит весна.

Вот почему, когда окошка сеть
Втянула голубя ко мне в подвал,
Мне хочется о соловьях вам спеть,
О соловьях, которых не слышал.

1921